

лингвистов, специалистов по информатике, педагогов, библиографов, архивистов, документоведов.

«В античной легенде, – писала Ольга Михайловна, – Диоген, взяв в руку светильник, отправляется в путь, чтобы найти человека. Источниковедческая парадигма дает свой ориентир для достижения общей цели гуманитарного знания: человек – это создатель и творец, а следовательно, это тот, кто сделал для Другого светильник» (с. 372).

И.В. Сабенникова,
доктор исторических наук
(Всероссийский
научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела)

Примечания

¹ Подробнее см.: *Сабенникова И.В.* [Рецензия] // *Российская история.* 2009. № 2. С. 177–179; *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // *Российская история.* 2010. № 1. С. 131–166.

² Биографическая канва этих этапов отражена в публикации: Мастера современной исторической науки: О.М. Медушевская // *Исторический архив.* 2010. № 4.

³ Презентация в ИНИОН РАН книги О.М. Медушевской «Теория исторического познания: избранные произведения» // *Вестник архивиста.* 2010. № 4.

А.П. Корелин. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.

Новая книга известного российского ученого, заведующего Центром истории России в XIX в. Института российской истории РАН А.П. Корелина уже стала событием отечественной историографии. Достаточно сказать, что по итогам конкурса 2010 г., проводимого Научным советом РАН по проблемам российской и мировой экономической истории, этой монографии была присуждена первая премия как лучшему исследованию в этой области. Являясь результатом многолетнего кропотливого труда автора, она тематически продолжает его предыдущую работу, посвященную истории сельскохозяйственного кредита в России (*Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988). В новой книге автор существенно расширил объект исследования, что позволило создать полномасштабную картину эволюции кооперативного движения в России. Кооперация показана и как важный фактор модернизации крестьянского производства, и как средство воспитания предприимчивости и самостоятельности населения.

Для пауперизации сельского населения, кооперация во всем мире являлась неким альтернативным капитализму путем. Книга Корелина заставляет задуматься о моделях аграрного развития дореволюционной России: помимо известной дихотомии фермерского и общинного типов аграрной организации, кооперация представлялась как третий путь развития, позволяющий мелкотоварному хозяйству противостоять давлению частного капитала, сохранив свой традиционный уклад. Недаром в советский период, начиная со знаменитой статьи В.И. Ленина «О кооперации», на нее

возлагались надежды как на магистральный путь построения социализма.

Со свертыванием энпа в СССР сфера кооперативного движения оказалась суженой до уровня потребкооперации, а производственная кооперация сведена до формы колхозов. Всплеск интереса в годы перестройки, связанный с надеждами на кооперацию как универсальное средство реформирования экономики и выразившийся в принятии в 1988 г. закона «О кооперации», привел лишь к появлению новых частных предпринимателей («кооператоров»), реально же, по справедливому наблюдению автора, он развитию кооперации не помог, и в современной России она влечит нищенское существование. «Социалистический» потенциал кооперативного движения в XX в. на практике был реализован в социальных государствах Западной Европы, где сейчас наблюдается расцвет кооперации, особенно кредитной. Поэтому представляется крайне актуальной поставленная автором задача – проследить историю складывания российской кооперации и оценить эффективность дореволюционного опыта, незаслуженно обойденного в отечественной историографии, особенно в советской. При этом Корелин обоснованно говорит о необходимости избежать и некритичного, восторженного подхода последних лет, изображающего имперскую Россию некой землей обетованной.

Основу монографии составляют прежде всего архивные документы, извлеченные из фондов различных министерств и ведомств. Поскольку различные виды кооперативов были подчинены разным ведомствам, автору пришлось провести громадную эвристическую

работу. Наряду с законодательными актами, прессой и др., архивные материалы составили надежный источниковый каркас исследования и придали выводам и наблюдениям автора аргументированность и глубину.

Структурно монография состоит из 4 глав, выделенных по хронологическому принципу. В Россию кооперативные идеи в тех или иных западноевропейских вариантах начали проникать в 1840-х гг., находя отклик прежде всего в либерально-демократических кругах общества. Побудительными мотивами для их распространения послужили реформы 1860–1870-х гг. и трудности перехода экономики страны на рыночные отношения. Выход, в частности, многим виделся тогда в создании некоммерческих «народных ассоциаций», которые призваны были организовать сельское население на принципах коллективной самопомощи. За образец был взят западноевропейский кооперативный опыт, который российские общественные деятели пытались адаптировать к российским условиям. Так, если на Западе кооперация обслуживала поначалу ремесленников в форме производственных объединений, то в России она была ориентирована на крестьянство, которое нуждалось в первую очередь в кредитной кооперации (пруссский вариант).

С начала 1860-х гг. предпринимались попытки организации всесословных кредитных, потребительских, бытовых ассоциаций, инициаторами создания которых выступали разночинные интеллигенты, либеральные помещики, а затем и земства. Важную роль в распространении кооперативных идей, в ознакомлении русского крестьянина с зарубежной кооперативной практикой сыграли Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, учрежденный в 1871 г. при Московском обществе сельского хозяйства, и особенно его Петербургское отделение. Именно последнее на многие годы стало представителем, координационным и методическим центром кооперативного движения в России. В книге приведены яркие характеристики пионеров кооперативного движения из числа членов «кружка» кн. А.И. Васильчикова. Основными организационными формами кооперативов в этот период стали паевые ссудо-сберегательные товарищества. Их целью, в отступление от коренных принципов деятельности западноевропейских кооперативов, объявлялось не столько получение прибыли, сколько создание благоприятных условий для хозяйственной деятельности и роста благосостояния членов товариществ. Такой подход вполне отвечал и общинным уравнилельным традициям, укоренившимся в российском обществе, и

попечительно-патриархальному курсу правительственной политики по отношению к крестьянству. Но практика вскоре показала несостоятельность такого «некоммерческого» подхода, и в 1870–1880-х гг. стали допускаться игнорируемые прежде ограничение ответственности по обязательствам обществ и товариществ, установление размера ссуд пропорционально паевым взносам и имущественное обеспечение кредитов.

К началу 1890-х гг. кредитные кооперативы были открыты в 295 из 500 уездов Европейской России, а общая сумма выданных ими ссуд достигла 226 млн руб. Но эти успехи, как справедливо отмечает автор, не следует переоценивать. Так, в системе кредитной кооперации реально функционировали немногим более половины товариществ, чьи уставы были утверждены, а почти 70% членов действующих кооперативов были исключены за невозврат ссуд и другие уставные нарушения (с. 43). Ситуация начала меняться с середины 1890-х гг. Участвовавшие неурожаи, принимавшие порой, как в 1891–1892 гг., катастрофический характер, рост недоимок крестьянства, падение платежеспособности деревни на фоне растущих расходов на индустриализацию вновь привлекли внимание общественности и государства к кооперативному движению. Однако его подъем, как и ранее, в значительной мере носил искусственный характер и был результатом деятельности кооперативных «верхов», заинтересованных в материальной помощи государства.

Политика же последнего была противоречива. С одной стороны, царское правительство настойчиво относилось к пропаганде коллективистских идей, отмечая, что в руководстве кооперативного движения все чаще оказывались представители неприемлемой для власти либеральной и леворадикальной ориентации (с. 131). С другой – правительство внимательно изучало вопрос об организации кредита для мелких производителей с помощью кооперации. С.Ю. Витте определенно видел в кооперации средство модернизации сельского хозяйства. По его инициативе кредитные кооперативы были непосредственно подчинены Государственному банку. Однако до начала XX в. высшие сановники империи исходили из несовместимости принципа имущественной ответственности с общинной организацией деревни (крестьянину-общиннику нельзя давать личный кредит). Поиск компромисса привел к изданию Положения о мелком кредите 1895 г., в котором наряду с паевыми ссудо-сберегательными товариществами и сословно-общественными кассами предусматривалось создание новых кооперативных органи-

заций – беспаявых кредитных товариществ по образцу германских райфазеновских касс. При Вите законодательное оформление получили и потребительская (1897), и производственная кооперация (закон об артелях 1902 г.).

Однако до начала XX в. застой кооперативного движения не был преодолен, чему способствовала разрешительная система создания кредитных кооперативов. Новое положение о мелком кредите 1904 г. отличалось ориентацией не на поддержку бедноты, а на «крепких хозяев», и стало своеобразной прелюдией столыпинских преобразований. Тем не менее единого правового и административного поля для всей кооперации в России, в отличие от стран Запада, так и не было создано (с. 83). В общественном мнении России сложилось 3 основных подхода к кооперативам. Они рассматривались как средство к пробуждению предпринимательской инициативы (праволиберальная часть общества); полугосударственное учреждение благотворительного толка для содействия малоимущим, но трудоспособным (эту точку зрения разделяла большинство земцев и власть в лице руководства Государственного банка); зародыш социализма (левые радикалы, народники и марксисты) (с. 112). Эти расхождения стали одной из причин замедленного развития кооперации вплоть до революции 1905 г.

Периодом подлинного расцвета кооперативного движения стало предвоенное десятилетие. По подсчетам автора, общее число кооперативов к 1905 г. не превышало 4 тыс., а к 1915 г. их было уже около 30 тыс. (с. 171). В системе кредитной кооперации участвовали около 9,5 млн членов, около 10 тыс. потребительских обществ имели до 1 млн пайщиков, и т.д. Особо впечатляют приводимые Корелиным данные о развитии трудовой кооперации (артелей). Так, Союз сибирских маслодельных артелей к 1913 г. включал около 1,4 тыс. артельных маслодельных предприятий, имел собственное представительство в Лондоне и обеспечивал до 40% экспорта сливочного масла из России (с. 244). Накануне Первой мировой войны кредитная кооперация выдала ссуд на общую сумму в 3 млрд руб., что почти равнялось годовому бюджету государства. К осени 1917 г. количество кооперативных объединений возросло до 63–64 тыс., охватив до половины всего населения страны (с. 366). Кооперативное движение базировалось теперь на прочной материально-финансовой основе, в связи с чем значительно снизилась роль казенных кредитов и субсидий. По темпам роста кооперативной сети Россия вошла в число мировых лидеров, догнав признанного авторитета – Германию. Однако по абсолютному показателю объема кредитов

кооперации на душу населения она сильно отставала от западных стран.

Кооперативное движение обнаружило тенденцию к самоорганизации на местном и общегосударственном уровне, в предвоенные годы прошли 3 всероссийских (в 1908, 1912 и 1913 гг.) и более сотни региональных съездов. Вместе с тем произошло дистанцирование от земской организации лидеров кооперации, недовольных отводимой им ролью «суррогата» земской оппозиции. Что касается отношений с властью руководства кооперативного движения (октябристов и кадетов, отстаивавших чисто хозяйственный аспект кооперации), то конфликт кооператоров с короной обострился после событий 9 января 1905 г., но в ходе столыпинских преобразований отношения на время смягчились. В этот период произошли радикальные перемены в составе лидеров движения: после съезда 1908 г. на смену верноподданному дворянству к руководству движением пришла либерально-демократическая интеллигенция в лице эсеров и меньшевиков, которая считала, что кооператив – риф, о который разобьется корабль капитализма (с. 149). Декларируя аполитичность и надклассовость кооперации, они в реальности привнесли в движение свои политические пристрастия. Казенная помощь в форме кредитов Государственного банка ими приветствовалась, но государственный надзор за движением решительно отвергался. Лозунги о кооперации как зародыше социализма уже в начале 1920-х гг., повторил Ленин, хотя в тот период партия большевиков ратовала только за расширение потребительской кооперации.

Правительство опасалось объединения кооперативов под эгидой леворадикальных партий, что способствовало обострению конфликта, хотя пока в скрытой форме. Неприятие лидерами движения контроля со стороны государственных структур наглядно проявилось в процессе выработки и принятия всеимперского кооперативного законодательства. Кооператоры настаивали на явочном, а не разрешительном порядке учреждения кооперативов, на предоставлении последним права вести культурно-просветительную работу среди членов и прочего окрестного населения, требовали права свободного учреждения союзных объединений и проведения съездов с постоянными исполнительными органами. Эти лозунги практически совпадали с общедемократическими требованиями политической оппозиции, предъявляемыми к имперскому режиму, что не могло не насторожить власти. В итоге, признавая экономическую целесообразность кооперации и не отказывая ей в организационной и финансовой помощи, царское

правительство так и не пошло на принятие законодательства в приемлемом для кооператоров варианте. Проблема отчасти была решена после Февральской революции, когда кооператорам предоставили возможность созыва общероссийских съездов с постоянно действующими исполнительными органами. Однако и в это время российская кооперация не стала свободной и независимой, превратившись в значительной мере в снабженческо-распределительный аппарат Временного правительства.

Хозяйственная деятельность кооперации играла все более заметную роль в экономической жизни страны. Доля потребительных обществ в общероссийском торговом обороте в 1917 г. достигала 10% (с. 369). В целом кооперация, прежде всего сельскохозяйственная, существенно содействовала ослаблению зависимости мелких производителей от гнета крупного капитала, избавляя крестьян от необходимости реализовывать свою продукцию по низким, порой убыточным ценам и помогая приобретать качественные товары по доступной цене. Очевиден вклад кооперации и в формирование из крестьянства «среднего класса», призванного стать основой нового, гражданского общества. Впрочем, успехи на этом поприще оставались достаточно скромными, поскольку инициативы руководства кооперативного движения не получали поддержки рядовых членов.

Подводя итог своему исследованию, Корелин обоснованно замечает, что кооперация не стала панацеей для дореволюционной России. Возможности подавляющего большинства низовых кооперативных объединений оставались довольно скромными. Слишком малый срок, всего около 10 предвоенных лет, отвела история российской кооперации на развитие в нормальных мирных условиях. В годы же войны, особенно после Февраля 1917 г., «она в значительной мере выполняла лишь снабженческо-распределительные функции, предоставленные ей правительством, не сумев в силу как собственной слабости, так и объективных причин сколько-нибудь существенно повлиять на нарастающий политико-экономический кризис» (с. 372). В последующем, в советский период, это зависимое от государства положение кооперации сыграло немалую роль в ее огосударствлении, постепенному выхолащиванию кооперативных принципов деятельности. Как показало проведенное А.П. Корелиным исследование, дореволюционный опыт России, воспринятый критически и с поправкой на изменившиеся условия жизни страны, может и должен быть востребован Россией современной, если она действительно стремится к модернизации своей экономики.

Ю.А. Петров, доктор исторических наук
(Центральный банк Российской Федерации (Банк России))

А.Ю. Володин. История фабричной инспекции в России, 1882–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 207 с.

Рецензируемая монография А.Ю. Володи-на отражает интерес современных историков к государственным институтам дореволюционной России. Она посвящена истории фабричной инспекции, учрежденной в России в 1882 г. для надзора за исполнением фабрично-трудового законодательства в ведомстве Министерства финансов, а в 1905 г. переданной вновь созданному Министерству торговли и промышленности. Фабричная инспекция осуществляла не только технический контроль за промышленными предприятиями Европейской России, но и играла важную роль посредника между рабочими и предпринимателями. Поэтому обращение к истории фабричной инспекции освещает важные проблемы, относящиеся к развитию трудового права в промышленном производстве, а также трудовых отношений, конфликтов и протестного рабочего движения на рубеже XIX–XX вв. Историография фабричной инспекции царской России насчи-

тывает немало работ, большая часть которых появилась еще до революции, в период становления института фабричных инспекторов (труды Я.Т. Михайловского, В.П. Литвинова-Фалинского, А.А. Микулина, М.Г. Лунца и др.). Советские историки активно использовали в своих работах статистические обследования промышленности, проведенные фабричной инспекцией, но в вопросах, относящихся к ее посреднической деятельности между рабочими и предпринимателями, они должны были придерживаться классового подхода. В результате, упускались сюжеты о живом и деятельном участии фабричных инспекторов в предупреждении трудовых конфликтов, в мирном урегулировании отношений рабочих и предпринимателей, и все сводилось к критике деятельности фабричной инспекции, как еще одного полицейского учреждения. При этом в отечественной историографии изданные еще в 1950-х гг. книги И.И. Шелымагина и А.Ф. Вов-